

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В СИСТЕМЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

О.И. Беляев

МГУ имени М.В. Ломоносова, НОШ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»; Институт языкознания РАН

1. Введение

В этой статье я стремился отдать дань двум центральным составляющим научных интересов А.А. Кибрика: с одной стороны, исследованию референциальных систем и референциального выбора в русском языке и в типологической перспективе, с другой стороны, описанию, поддержке и сохранению малых языков России. К сожалению, первая тема, во многом закрепившаяся в отечественной науке благодаря работам Андрея Александровича и его ближайших коллег (Kibrik, Krasavina 2005; Кибрик и др. 2010; Kibrik 2011; Loukachevitch et al. 2011), пока остаётся сравнительно неисследованной в малых языках, прежде всего из-за отсутствия для них корпусных ресурсов нужного объёма. Осетинский язык является на фоне многих других языков счастливым исключением, так как обладает представительными письменными корпусами на обоих диалектах и солидным устным корпусом. В настоящей работе я попытаюсь обозначить возможные пути исследования этой проблематики в осетинском языке, ограничившись небольшим подмножеством его референциальной системы: указательными местоимениями.

Осетинский язык (иранская группа, около 500 000 носителей), распространённый преимущественно на территории Республики Северная Осетия — Алания (Россия) и в Республике Южная Осетия, делится на два диалекта: иронский и дигорский. Каждый из этих диалектов имеет свою литературную норму; в статье рассматриваются литературный иронский и дигорский. Осетинский язык обычно описывают как имеющий указательные местоимения двух степеней дейксиса (и. *ай, ацы* / д. *а, аци* ‘этот’ и и. *уый, уыцы* / д. *е, еци* ‘тот’). Однако это описание не исчерпывает всего разнообразия этих показателей и их реального распределения. В частности, в анафорической функции может использоваться не только местоимение ‘тот’, но и, в некоторых случа-

ях, местоимение ‘этот’; в дигорском диалекте в приименной позиции, помимо ближнего дейктика, имеется не одно, но два местоимения дальнего плана: *еци* и *уоци* ‘тот’. Все эти вопросы будут рассмотрены в настоящей статье по данным письменных и устных корпусов иронского и дигорского, а также переводов Нового Завета.

2. Распределение указательных местоимений в дискурсе

В основных грамматических описаниях осетинского языка содержится исчерпывающая информация о склонении указательных местоимений в иронском (Гагкаев 1952; Абаев 1959; Ахвледиани (ред.) 1963; Багаев 1965) и дигорском (Исаев 1966) диалектах. В обоих диалектах осетинского языка указательные местоимения имеют две степени дейксиса: ближнюю (‘этот’) и дальнюю (‘тот’). Самостоятельные формы демонстративов имеют вид и. *ай* / д. *а* ‘этот’, и. *уый* / д. *е* (косвенная основа *уо-*) ‘тот’. Эти формы не могут употребляться в приименной позиции; она требует присоединения к демонстративу специального суффикса и. *-цы* / д. *-ци*. Важно, что если ближний демонстратив в обоих диалектах имеет только одну форму и. *а-цы* / д. *а-ци* ‘этот’, то дальний демонстратив в дигорском имеет два варианта от двух основ: *е-ци*, *уо-ци* ‘тот’ (ср. и. *уы-цы* ‘тот’).

2.1. Иронский диалект

В иронском диалекте демонстратив *ай* ‘этот’ как в самостоятельном, так и в приименном употреблении имеет преимущественно дейктические употребления. Так, в иронском переводе Нового Завета встретилось всего 40 примеров формы *ай* ‘этот, этого’¹ против 2307 примеров формы *уый* ‘тот, того’. Примеры с этим местоимением почти всегда имеют собственно дейктическую функцию. Характерно, что практически все 40 примеров *ай* в Новом Завете используются в прямой речи. Исключений всего четыре, и только в них можно говорить об анафорической интерпретации. В двух из них *ай*, по-видимому, используется для референции к несубъектному участнику предшествующего предложения (т. е. при смене подлежащего), см. (1).

- (1) ... *уый са= халардзинад-ы тыххæй куы нæ сы-ст-а*
 тот.Nom их дружба-Gen для если Neg Pv-вставить-Sbjv.3Sg
æмæ =йын куы нæ ратт-а, фæлæ =йæ ай уæддæр
 и он.Dat если Neg давать.Pfv-Sbjv.3Sg но он.Gen этот.Nom всё-таки

¹ Архаичный вариант номинатива *а* встретился только в идиоматическом сочетании *а дуне* ‘этот мир’.

куы-нæ-уал уадз-а...
если-Neg-больше оставлять-Sbjv.3Sg

(И сказал им: положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: «друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему»; а тот изнутри скажет ему в ответ: «не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе.») ‘Если [говорю вам] он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его...’ (встав, даст ему, сколько просит.) (Лк. 11:8)

Это употребление напоминает использование *tot* вместо более обычного *он* в русском языке (Кибрик 1987; 1988; Kibrik 2011: 420ff., 8.6.3, 9.3.2). Буквальный перевод последней части осетинского фрагмента по-русски звучал бы, как «...но если тот всё-таки его не оставит»; в этом контексте русское *он* может относиться только к другу, находящемуся в доме.

Параллель между осетинским *ай* и русским *tot* — если она подтвердится в ходе дальнейших исследований — нетривиальна. В Kibrik 2011: 331 указано, что стратегия, похожая на русскую, встречается также в других языках Северной Европы и, возможно, является одной из черт циркумбалтийского языкового союза. Однако во всех указанных языках конкурируют личное местоимение 3 лица и указательное местоимение, тогда как в осетинском конкурируют между собой два указательных местоимения, причём «альтернативным» вариантом оказывается ближний, а не дальний дейктик. Впрочем, если считать, что *уый* в осетинском также является местоимением 3 лица, то можно провести структурную параллель с циркумбалтийскими языками: местоимение 3 лица, с каким бы словом оно формально ни совпадало (*уый* в осетинском, *он* в русском), конкурирует с демонстративом, который не выполняет этой функции (*ай* в осетинском, *tot* в русском).

Местоимение *уый* ‘тот’, напротив, помимо дейктических контекстов, свободно употребляется в анафорической функции (2).²

- (2) **Уый** сы-стад æмæ а-цыд Йæ= фæд-ыл.
tot.Nom Pv-вставить[Pst.3Sg] и Pv-идти[Pst.3Sg] его след-Super
(Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною.) ‘И он встал и последовал за Ним’. (Мф. 9:9)

Приименные демонстративы *ацы* ‘этот’ и *уыцы* ‘тот’ распределены аналогично. Ближний дейктик встречается в Новом завете в 314 контекстах,

² Дальние дейктики также обязательно используются в коррелятивной конструкции, см. (Беляев 2014; Belyaev 2014).

дальний — в 1133. Как и *ай*, *ацы* чаще всего употребляется в прямой речи при указании на непосредственно присутствующий поблизости объект. Демонстратив *уыцы* ‘тот’ также может использоваться в дейктической функции для указания на более отдалённый предмет, но в подавляющем большинстве примеров ИГ с этим демонстративом отсылает к ранее упомянутому референту: ср. (3), где *уыцы* переводит русское *этом*, которое доминирует в этой функции в русском языке (Падучева 1985: гл. 8, § 1).

- (3) *Дон куы ра-ивылд семæ уы-цы хæдзар-ыл куы а-хæцыд...*
 вода когда Pv-литься[Pst.3Sg] и тот-Det дом-Super когда Pv-держать[Pst.3Sg]
 (Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне.) ‘Когда случилось наводнение и вода напёрла на **этот дом...**’ (Лк. 6:48)

Эти данные в целом подтверждают традиционную точку зрения, согласно которой в осетинском языке именно дальний дейктик заменяет местоимения третьего лица. Интерес представляет тот факт, что эта же дистрибуция распространяется и на приименные контексты. Кроме того, ближний дейктик *ай* всё же может использоваться в анафорической функции при неоднозначности выбора референта; такая функция аналогична анафорическому употреблению местоимения *тот* в русском языке.

3.2. Дигорский

Судя по корпусным данным, распределение ближних и дальних дейктиков в дигорском диалекте в целом эквивалентно иронскому: дальний дейктик *е* используется для дискурсивной анафоры, тогда как ближний дейктик *ай* имеет в основном только собственно дейктическую функцию. Сложность в дигорском диалекте представляет приименная позиция, поскольку в ней, как было сказано выше, в функции дальнего дейктика могут использоваться формы, образованные от двух основ: *еци* и *уоци* ‘тот’.

Распределение этих форм пока неясно. Как было указано ещё в Абаев 1989: 5–6, *уоци* по сравнению с *еци* используется сравнительно редко. Действительно, в дигорском письменном корпусе имеется 254 вхождения *уоци* против 12 387 у *еци*. По всей видимости, *уоци* не имеет собственно дейктического значения и употребляется только для внутритекстовой анафоры; во всяком случае, примеров обратного мне не встретилось. Если в письменном корпусе это можно объяснить спецификой текстов, то в устном корпусе дейктических контекстов немало, но во всех используется *еци*.

Местоимение *уоци* используется всего в пяти контекстах, все из которых предполагают дискурсивную анафору, ср. (4), однако *еци* в этой функции гораздо частотнее.

- (4) *‘Ма æр-æмбурд=у-уионца, æнагъæна Гъæпæн Дигора ка ‘й,*
и рv-собрание=быть-Opt.3Pl весь равнина Дигория кто быть.Prs.3Sg
е-таæ гъе-ууо-ци кувд-маæ.
тот-Pl вот-тот-Det кувд-All
(Кувд они тоже устраивали вместе, Циргъесæни кувд. В начале сенокоса
устраивали Циргъесæни кувд, вон там.) ‘**Вся равнинная Дигория собира-**
лась на этот кувд’. (Мæхческ 88.1)

Данные письменного корпуса показывают, что *уоци*, возможно, используется для выбора более дальнего из потенциальных antecedентов. В (5) первое выражение *йеци сæрдæ* ‘тем летом’ не относится ни к какому конкретно-му antecedенту, задавая время повествования, тогда как *уоцирдæмаæ* может иметь два потенциальных референта: либо *гъæдрабун уотари* ‘в кутане на опушке леса’, упомянутый в предшествующей клаузе, либо место под плакучей ивой на берегу реки, обозначенное ранее. Можно предположить, что *уоци* здесь используется для указания на то, что antecedентом является место у плакучей ивы, но не кутан.

- (5) *Æз йе-ци сæрдæ цард-тæн гъæдрабун уотар-и, йе ба*
я тот-Det лето жить-Pst.1Sg опушка кутан-In тот Contr
уо-ци-рд-æмаæ³ йе= ‘ргъау арах скъæр-идæ.
тот-Det-сторона-All его стадо часто гнать-Opt.3Sg
[Стадо собралось в кучу на берегу реки и стояло на привале. На берегу
реки, около стада, под плакучей ивой сидел я и старый пастух Бидзих.
Шла половина месяца с тех пор, как мы познакомились с Бидзихом.]
‘**Тем летом** я жил в кутане на опушке леса, а он часто **в ту сторону** гонял
своё стадо’. (Малити Геуæрги, Æхгæд зæрдæ)

В (6) *уоци æмдзæвгæ* ‘то стихотворение’ не имеет в предшествующем предложении прямого antecedента: оно связано с именной группой «игра поэтической свирели» (*поэतिकон уадиндзи цагъд*).

- (6) *Уо-ци æмдзæвгæ хундт-æй «Зæрд-и дуар»,*
тот-Det стихотворение называться-Pst.3Sg сердце-Gen дверь

³ Показатели и. *-(ы)рдæм / д. -(æ)рдæмаæ* ‘в сторону’, и. *-(ы)рдыгæй / д. -(æ)рдыгæй* ‘со стороны’ в осетинском языке имеют смешанный статус между падежными показателями и реляционными именами. В этом качестве они могут присоединяться к атрибутивным показателям (‘в эту сторону’, ‘в ту стороны’), и поэтому соответствующие формы являются в дигорском единственными пространственными выражениями, образующимися как от основы *е-*, так и от основы *уо-* (*уоцирдæм, ецирдæм, уоцирдыгæй, ецирдыгæй*).

«ра-йгурд-æй» **е-ци анз-и** уалдзæг-и фиццаг бон.

Pv-рождаться-Pst.3Sg тот-Det год-Gen осень-Gen первый день

(Поэт Созури Багараев впервые услышал игру поэтической свирели в 1908 году.) **‘Это (уоци) стихотворение** называлось «Дверь в сердце», (оно «родилось» в первый день осени **того (еци) года**’. (Дигорæ, № 17, 2008)

Такой тип связывания получил в англоязычной литературе название bridging (Clark 1974); известно, что в иронском диалекте такое ассоциативное связывание допустимо именно с демонстративом *уыцы*, в частности, в коррелятивах (Беляев 2014; Belyaev 2014; Belyaev, Naug 2014). Можно высказать предположение, что ассоциативное связывание в дигорском возможно только при использовании *уоци*, но не *еци*. Сюда же можно отнести встретившиеся мне в текстах случаи, где *уоци* употребляется в значении ‘тот же’, ‘такой же’.

Таким образом, хотя выбор между *еци* и *уоци*, по-видимому, не подчиняется строгим правилам, можно предположить влияние двух факторов: во-первых, расстояния до antecedента и наличие между ним и ИГ других потенциальных antecedентов; во-вторых, типа анафорического отношения: *уоци* может предпочитать различные нестандартные типы кореферентности, такие как ассоциативное связывание (bridging) или анафора к признаку (‘тот же’, ‘такой же’).

3. Заключение

В статье были сделаны первые шаги для описания референциального выбора в осетинском языке. Несмотря на то, что был рассмотрен только небольшой фрагмент референциальной системы, — указательные местоимения, — удалось выявить несколько важных закономерностей. В частности, подтвердилось указанное в грамматиках обобщение, согласно которому дальний дейктик (*уый*, *уыцы*) используется в осетинском языке вместо местоимений 3 лица. Также были обнаружены периферийные примеры употребления ближнего дейктика *ай*, *ацы* в анафорической функции, причём его функция представляется аналогичной функции местоимения *тот* вместо *он* в русском языке. Наконец, была обозначена проблема выбора между указательными местоимениями *еци* и *уоци* в дигорском и высказано несколько гипотез о факторах, влияющих на этот выбор. Сам факт наличия отдельного указательного местоимения, употребляющегося только в позиции детерминанта и при этом, судя по всему, не имеющего собственно дейктических функций, представляется типологически интересным. Очевидно, в истории осетинского языка парадигмы двух дейктических местоимений слились в одну, но по каким-то причинам обе основы сохранились в приименной позиции.

Несомненно, полноценное исследование референциального выбора в осетинском языке раскроет множество других интересных особенностей его системы местоимений. Мы стоим лишь в начале большого пути, но сам этот путь оказался возможен в значительной мере благодаря исследованиям А.А. Кибрика, так много сделавшего для развития исследований по этой теме как в русском языке, так и на более широком типологическом материале. Андрей Александрович был моим научным руководителем на 2–3 курсах ОТиПЛа, и, хотя моя основная тема в тот период была совсем другой, я всё же успел немного поучаствовать — как (очень ленивый!) разметчик корпуса и как (не очень эффективный) программист — в его исследованиях референциального выбора. Я был рад вернуться к этой теме и очень благодарен Андрею Александровичу за вдохновляющий пример подлинной научной точности и профессионализма, сочетающихся с по-настоящему тёплым человеческим отношением. Андрей Александрович, от всей души желаю Вам продолжать стимулировать наши умы новыми научными идеями и открытиями, и чтобы никакие административные обязанности не могли этому помешать, но, напротив, — насколько это возможно, — могли служить источником вдохновения. Многая лета!

Л и т е р а т у р а

- Абаев В.И. 1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I: А–К?, 1958. Т. IV: У–Z, М.–Л.
- Абаев В.И. 1959. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе,
- Ахвледиани Г.С. (ред.) 1963. *Грамматика осетинского языка*. Т. 1. *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Багаев Н.К. 1965. *Современный осетинский язык*. Т. 1. *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Беляев О.И. 2014. *Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении*. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Гагкаев К.Е. 1952. *Очерк грамматики осетинского языка*. Орджоникидзе.
- Евангели 2002. *Йесо Киристей Евангели. Иоанни финст*. Мæску.
- Кибрик А.А. 1987. Механизмы устранения референциального конфликта // А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М., 128–145.
- Кибрик А.А. 1988. *Типология средств оформления анафорических связей*. Дисс. ... канд. филол. наук, Институт языкознания РАН.
- Кибрик А.А., Добров Г.Б., Залманов Д.А., Линник А.С., Лукашевич Н.В. 2010. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // *По материалам международной конференции Диалог*. М., 173–180.

- Ног Фæдзæхст 2004. *Нæ Хицау Йёсо Чырыстийы Ног Фæдзæхст*. Мæскуы.
- Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотносённость с действительностью*. М.
- Belyaev O. 2014. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // P. Suihkonen, L. Whaley (eds.). *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam, 275–310.
- Belyaev O., Haug D. 2014. Pronominal coreference in Ossetic correlatives and the syntax-semantics interface // M. Butt, T.H. King (eds.). *Proceedings of the LFG '14 Conference*. Stanford, CA, 89–109.
- Cheung J. 2008. The Ossetic case system revisited // A. Lubotsky, J. Schaecken, J. Wiedenhofer (eds.). *Evidence and Counter-Evidence. Essays in honour of Frederik Kortlandt*. Vol. 1: *Balto-Slavic and Indo-European linguistics*. Amsterdam, 87–106.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford.
- Kibrik A.A., Krasavina O.A. 2005. A corpus study of referential choice: The role of rhetorical structure // *Proceedings of DIALOG '05*. Moscow.
- Loukachevitch N.V., Dobrov G.B., Kibrik A.A., Khudyakova M.V., Linnik A.S. 2011. Factors of referential choice: Computational modeling // А.Е. Кибрик и др. (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог*. Т. 10. Москва: РГГУ, 458–467.
- Thordarson F. 1989. Ossetic // R. Schmitt (ed.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 456–479.

Расширенная версия этой статьи находится по ссылке:

